

16+

КИРИЛЛ ДЕНИСЕНКО
АНАХОРЕТ

КИРИЛЛ ДЕНИСЕНКО

Анахорет. Триптих

«ЛитРес: Самиздат»

2015

ДЕНИСЕНКО К. М.

Анахорет. Триптих / К. М. ДЕНИСЕНКО — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Под сенью икон достопочтенный монах выводил ровные чернильные узоры в толстенной книге с разбухшими страницами. Он вздыхал, закрывал натруженные глаза и растирал промёрзшие, немеющие пальцы и кисти рук. Он надеялся написать книгу, поведать правдивую историю об уже произошедшем и том, что ещё произойдёт. Он описывал свою жизнь, понимая, что дерзает коснуться запредельного, найти слова для столь духовного, сакрального, тончайшего и мимолётного, что сама мысль – искра озарения – рискует запятнаться, проходя через таковое рассуждение, что описать духовность не окрепшим в вере духом – всё равно что описать сон. Во сне ты всегда уже находишься в центре событий, но сложно припомнить, как ты оказался в этих головокружительных, пугающих хитросплетениях сна. Но он вздохнул и вывел слово: «Анахорет».

© ДЕНИСЕНКО К. М., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Как молодой Константин тщился догнать своего верного сокола, поднятого и кружимого сильнейшими вихрями, так и Кирилл, уносимый страшным ветром недуга, летел в кардиологическую клинику на операцию, устремляясь разумом в вечность, которая никогда не была гостеприимна к заботам о будущем и тревожном прошлом. Как ни силился Константин догнать и спасти своего сокола, так и Кирилл не смог противостоять природе – и ложился под нож, подписывая бумаги о том, что в случае его смерти на операционном столе никто из родных не имеет права предъявлять претензии. Он бы и сам ринулся и бежал, бежал – только ноги его отнимались, и он, считай, с трудом мог передвигать так предательски ослабшими конечностями. Но, как и Константин со своим братом увековечили себя в сердцах народа, приблизив христианские молитвы к родному языку, так и Кирилл со своей женой Еленой создают вместе сказки и свои большие самостоятельные труды. Моё материнское сердце живёт мольбой к Пресвятой Богородице и Её Великому Сыну, испрашивая жизни и здоровья дитю – моему дитю с ясным взором и мечтами. Наши с мужем сердца прошли отчаяние и огонь. Отец Кирилла, оставшийся в другой части света работать, ввязавшийся в долги и поставивший весь заработок на его операцию, единым духом был со мной, ожидая исхода операции... Случившейся неожиданно комы и... Пробуждения Кирилла. Долгий путь реабилитации, спорта. Сын посвятил себя творчеству, общественной деятельности и благотворительности. Писательство – тяжкий труд, и я счастлива, видя его радость, когда получается вымышленные ситуации сделать до боли реалистичными, придать огранку очередному герою, наделённому собственными переживаниями; теряться во всей фантастике и гадать, что позаимствовано у жизни, а что полностью выдуманно в рамках его миров. Главное то, что каждый, о ком он пишет – личность, которая станет родной, откровения которой будет приятно выслушать и даже самим научиться замечать жизнь, которой мы одарены. Жизнь...

Елена Юрьевна Денисенко

I

Под сенью икон достопочтенный монах выводил ровные чернильные узоры в толстенной книге с разбухшими страницами. Он вздыхал, закрывал натруженные глаза и растирал промёрзшие, немеющие пальцы и кисти рук. Он надеялся написать книгу, поведать правдивую историю об уже произошедшем и том, что ещё произойдёт. Он описывал свою жизнь, понимая, что дерзает коснуться запредельного, найти слова для столь духовного, сакрального, тончайшего и мимолётного, что сама мысль – искра озарения – рискует запятнаться, проходя через таковое рассуждение, что описать духовность не окрепшим в вере духом – всё равно что описать сон, его начало, когда ты только погрузился в сновидение. Во сне ты всегда уже находишься в центре событий, но сложно припомнить, как ты оказался в этих головокружительных, пугающих хитросплетениях сна. Познать, каково это: шоколадный домик, тающий под пальцами лучами державно источающего тепло солнца. Но он вздохнул, и не с трепетом, но искренним желанием описать и переживания и, к слову, грех и победу над ним, придать мыслям словесную материальность и вполне реальное лицо, а то и паче – рожу.

В неизведанное...

...Он вывел слово:

«Анахорет».

Quod stultum est Dei, sapientius est hominibus, et quod infirmum est Dei, fortius est hominibus.¹

¹ Немудрое Божие мудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков. (лат.)

Petite, et dabitur vobis; quaerite, et invenietis; pulsate, et aperietur vobis.²

Vigilate, quia nefcitis horam.³

Parate viam Domini.⁴

Kir Hristov locuta, causa finita.⁵

Tolle et lege.⁶

Шум беспокойных волн, прохлада истекающей ночи и шёпот молитвы из человеческих уст. Глубокий вдох: лёгкие вбирают чистоту наполняющегося теплом воздуха, руки благоговейно перебирают деревянные чётки. Тишина мира и говор природы умирят мятежный дух. Мысленно прорезаются крылья, и стоит захотеть вспорхнуть – ... Но пройдено мало преград, грядут новые битвы. Веки приподнимаются, и предстаёт нескончаемый горизонт моря, неба и возвращающегося солнца. Стоит сделать шаг – и падёшь с гребня величественных гор, прямо вглубь, навстречу скалам. Вдох... Звук перебираемых чёток, тепло рассеивающегося от ночной пелены дня и беспокойный ветер, уносящий слова усердной молитвы. Облачённый в чёрную мантию человек и мир. Одинокий мир и чистая душа. Мир и человек, человек и мир – разные, но сопоставимые по силе и по глубине неизведанного. Человек мира, оплот существования, посох правды, истинная надежда – монах. Молодой статный монах, единица света в совокупности, пылающая венценосным пламенем, изжигающим струпы неверия и гноения рассудка. Он презрел мир, отрёкся от суетных благ, возлюбил труд и принял вызов зла, и, потеряв зримое спокойствие, обрёл внутреннюю свободу. Он – нерушимая сила, неусыпно противящаяся злу, главенствующему в иссохших тайниках души, покамест не настанет конец веков и добро не просияет в сокрушительном величии смиренной Истины, нещадно бичующей лстыное зло. Он осеняет перстами рук чело, чрево и рамена трисоставным четвероконечным крестом, и слеза воспоминания мук Господа медленно катится из глаз. Он – звено в необъемлемой цепочке бытия; надломится одно – потеряет целостность всё. Он пришёл изобличить и искоренить неправое зло, открыв ланиты ударам, взяв муки на себя. Он – тряпка, которой смеет вытереть ноги любой; он смирен и кроток, и не описать величия души его. Он – плодородная земля. Он уничтожил себя, уничтожил адамово естество; он воззван из пепла, наречён наново и награждён белым камнем с начертанным новым именем. Он отложит молитвы и вступит в сражение с поправшими имя Господне; он взмолится к Богу и испросит разума существам, столь немудро влачащим существование в беспредельной свободе, данной терпеливым и милостивым Всевышним Господом Иисусом Христом. Он монах – бескрылый Ангел, ибо он человек. И вера с ним, и моление к Господу дарует познать слепоту и чрез неё прозреть. Его имя Клим, и он один из многих светочей Истины. Он слышит громохание и поползновение земли: позади открытые поляны, статные деревья и малые холмы. Округ гордынею пленённый враг и ослепшие вовек души. Грядёт страшная брань; время водрузить в десницы мечи Крестного знамения и скрестить благородное оружие Добра, помолившись о недругах и о ниспослании им ума. Но увидев укрепление в порочном стремлении урвать тленного кусок – иссечь их,

² Просите, и будет дано вам; ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам. (лат.)

³ Бдите, ибо не знаете часа. (лат.)

⁴ Приготовьте путь Господу. (лат.)

⁵ Кир Христов высказался, дело закрыто. (лат.)

⁶ Возьми и читай. (лат.)

отправив в печь прельстивших сердца лживой дружбой. И шаткая, но обширная стезя простирается, имея один путь злосчастливого небытия. Жерло огненное пожжёт тела – и поздно молить Творца; упущено время, и деяния былого олицетворят души, представшие пред неминуемым действительности концом.

Благочестивый Клим, стократный раз осенив освящающим крестом телесе, отправился степенным шагом с каменистой равнины к окружённому цветущим благолепием сада монастырю близ серебристого озера.

Ему надлежало отстоять в сплочённом содружестве братии спокойствие мира, укрепляясь Богом в вере неразделимой, истинно единой и правой в Православии, служащей неразделимой Троице Святой.

Земля сотрясается, море меркнет, и вздымаются грозные волны; люди идут против себя, плечом к плечу с воинством тьмы.

Страшное зрелище: многометровые демоны, осыпающиеся огненным прахом под грузом доспехов, шагающие по останкам поверженных ими. И оглушительный рёв многомиллионного сборища. На кого руку вздымают безумцы? Врага ли в други записали? Но недолго смуте сеяться, пожнёт работа сеятелей и уязвит их ядом, уготовленным ими для других. Грядёт битва, и враг, не ведая пощады, побить Христово стадо вздумал; яко волки, рыкающие и истощившиеся завистью злобной пред величием смиренным, идут отобрать чужие жизни. Не ведают слепцы: расточают ведь наушением зла залитые кровию души!

Они грозят, бегут, вооружившись мечами и копьями, на монастырские врата. Чёрен день в сердцах ополченцев, и смутна красота мира. Им памятно угнетение, оным ко вражде подвизались, им противно уязвленное самолюбие. Они возненавидели людей, обличив Творца в немилости Его, но корень смрада созрел, разросся внутри, и правда в гнусности малодушного колебания сердец, не презревших пагубной развращённости, изгрызшей клыками нутро, обратившее гнев на иных, но не на себя. Они есть корм, лакомство червей, успевших вкусить души, утратившие Дух; они идут, волоча чёрное облако. Они мертвы. Кровь тепла, но остыли чувства в холоде мерзостных деяний. Они – прах. Обветшает урна, и где они обрящутся тогда?

Но смирен слуга Господень, возжелавший зваться Божиим рабом – ибо он пребудет в покровительстве Сильнейшего, Всемилоостивого и Всеблагого, и с Ним страха позорного не возымеет пред супостатом ярим, а духом сокрушённым обратившись, испросит отверзнуться очам противников, дабы они познали радость и чрез труд спасительный обрели землю обетованного счастья на нескончаемые века. Он – камень, неизгладимый и несокрушимый, запертый снаружи, дабы молиться о существах, способных к разумению. Он монах, осеняющий крестным знаменем главу и прочее во освящение и просветление. Он воин, волей своею избранный блюсти открытые заповеди закона. Ему должно сражаться, ибо мир прозябает в бессмысленном бездействии. Ибо мир углублён в постыдное услужничество себялюбия. Он – свет откровения Истины, и он усмирит восставшее зло. Он утихомирит бурю благим стяжаньем духа. Он победил себя и не имеет преград, ибо основание, замешанное с земным, подобно хрупкому стеклу: треснув, к краху сподобится, нежели уподобится плоду, произрастающему из честного корня.

Впереди путь, и воинственным нравом пылают едино все чувства души. Решимость во взгляде, отвага в сердце, осознание победы и почерк веры в пронизанном вечностью естестве. Во главе – неопикуемой мужской красоты лицо, запечатлевшее всю глубину каменного спокойствия. Налетает неумолимый ветер, нещадно бичующий лико острыми льдинками изморози.

Абсурду равная природная переменчивость нравов, свойственная людям, исчерпывает неизменность в должной подлинности, закономерности водоворота сущего мира. Крахом поползшее мироздание извергло хаотичное войско, лишённое мыслимой фантазии. Грядёт заря рассвета, и первостепенное значение примет бессмысленное изжитие себя; но небо не

утратит слух, пока уста не престанут отверзаться в молениях, и последний голос возвестит о восторжествовании правды, исполненной ясной красы величия и несравненного высшего могущества.

Раздаётся светоносное пение, пронизывая благою сущностью нутро и дарованный Дух; оно призывает вечное и неоспоримое в силе исполненных величием умов мужей святое примирение, украшенное покаянием сокрушённых сердец. Но меркнет округ не щадящих ничто живое врагов. Зло в неистовстве наступает, направляя тлетворную армию. Все пороки обрели материальное воплощение, став живописною картиной анархического ужаса. И пустота вознамерилась нанести ответный удар вечности, не мысля ни грядущего поражения, ни Истины непобеждаемой. Правда стянута нитями зла в душах уловленных людей, и затхло и душно ей не чаять света в плену, в безрассудстве омертвевших. Армия исчадий тьмы, непрестанно пополняясь, пребывает в движении, ловя долгожданный момент назревавшей в умах и осуществляемой теперь битвы.

Сотнями метров тянутся сгруппированные войска, и каждым десятком душ управляет постановленный зрителем демон. Он верещит, разевая пасть, изрыгая рёв и рдея в злобе. Трещат черепа, нанизанные на костяные жала наплечников, и перетянуты мощные остовы ржавыми цепями. И раскалённые острия мечей, вгрызаясь в горжеты, пылают огнем, и страх вселяют черепа на концах рукоятей. Демоны, будучи лишёнными фантазии или следуя установленным правилам, вооружились аналогично соратникам в гибельном деле, отличаясь лишь окраскою и количеством выступающих длинных шипов на наплечниках.

Было возможно при желании узреть тринадцать мелких костяных заострений по обеим сторонам рамен и от одного до трёх, расположенных чётко в ряд, высоких шипов из рога дракона.

Иерархическая волна захлестнула и помутнённый рассудок зла, шествовавшего воочию зримым войском людей и гнусных тварей.

Люди, преодолевая усталость и став отупевшей силой, следовали нечестивым ораторам вослед, забывая хлестанье, ввергающее в прискорбное уныние, даруемое раскалённо-красными и угольно-чёрными полководцами. Но, оказавшись причастными к потоку, предвещавшему не что иное, как бурю и мятеж душ, переступали чрез себя и, изнемогая окончательно, осуществляли шаги грузными в солеретах ногами. Тяжела кираса, одетая поверх бригантины, и стальная сбруя амуниции сдавливают плечи и грудь. Но таков выбор, и познать правоту они сумеют только с последним вздохом и приветствием смерти.

Но смерть пока не точит тело с уязвлённой душой, так что путь свободен не только ступням, но и тленной красе невест порока, шествующих в обманчивом покровительстве отца лжи.

Перекрытыми шагами идут обесчещенные девы, блистая нагими, лишёнными изъянов телами. Волосы, сравнимые с потоками водопадов, ниспадают на спины, достигая в иной раз голеней. Груды превосходных форм и несказанной упругости вздымаются в такт дыханию, красуясь встревоженными сосками. Заострённые плечи, поражая хрупкостью, приковывают взгляд, а бёдра, слегка уступая узости рамен, украшенные лёгкой чёрной перевязью, возбуждают мысли о вожделенном. И манящие движения, исполненные хищной грации, искушая, ввергают в беспросветную пропасть подчинения страстям. И алеющие губы воспламеняют огонь, и нутро, возжигаясь, истребляет рассудок, койй уступает желанию дерзновенно впитаться в безудержном наслаждении в каждую частичку виновницы, поколебавшей ум, всем своим естеством в неистовом шторме вожделения и, изжегшись, обратиться в пепел, лишённый славы. Но огромные чёрные очи, скрывая зло, обильно изливающееся чрез взгляд, привлекают ослепших невозвратно мужей, но зрящих малые лучики света оттесняют, знакомя с явью их томных блужданий в исканьях добычи.

Однако арсенал врага богат, и на подступе к черноволосым богиням искусственно-земной красоты идут увенчанные золотыми перевязями знойные девы, блистая на щедрых отсве-

тах солнца обильными кучерявыми огненного цвета волосами. Они длинными пальцами изящных и тонких рук ворошат локоны, и драгоценные камни, пресыщенные каратами, подчёркивая грациозность воинственных обладательниц не вечных сокровищ, безудержно сверкают, обрамляя изящные изгибы тел.

О, чресла! Особенно прекрасные в неспешных шагах с колыхающимися мечами, благоговейно прикрепленными по левые бока в ожидании битвы и крепко охваченной рукояти, и гневного рёва из уст этих воплощений гармоничной красоты. И будто прорисованные несчётно-талантливым мастером спины – со слегка очерченными лопатками и бусинками безупречных позвонков – столь идеальной симметрии в движениях, что природа человеческого существа, подобно корню дерева, принимается виться вослед, услаждаясь ими словно долгожданной влагой, не разбирая, чиста она или грязна. И столь нежные оголённые пальцы ног, розовея, вызывают умиленно-восторженное состояние, снова отгораживая разум неприступной стеной от цели и призывая бросаться к ним, как пёс на редкий корм, не поглощая за раз, но сберегая и охраняя для последующих времён.

И казалось, холод не властен над ними: уверено ступая по заснеженной равнине и сохраняя спокойствие, они, оглядывая окрестности неспешными взглядами, являющими собой факелы или разгоряченные угли. Сии неземные дарования Творца лукавыми усмешками освещали лики, обнажая ряды белоснежных зубов и чуть потрясая женственными головками, не препятствуя ниспаданию курчаво-огненных волос на высокие лбы, окаймлённые золотыми обручами искусных работ.

Но, перевешивая украшения, главенствовала нагота, являясь чарующей силой, неподвластной разъяснению, и разум, не утруждаясь мыслию, всецело был занят оттенками переливавшихся светло-зелёным изумрудом глаз.

А за ними маленькие длиннородые, с заостренными верхами шлемов, человечки тянули крупнокалиберные мортиры, изредка поблескивавшие золочёной бронзой. Они имели чёткие отличия в обмундировании: к их стальным кирасам крепились мелкие налатники, дотягиваясь до самых колен коротеньких ножинок. Но поистине удивляли мерзкие твари, обуруемые неистовой злобой. Их удерживали гласом демоны колоссального роста. Поэтому, представляя собой ползучее тело – не то на лапах, не то на четвереньках, серое, обезображенное уродством рогатых голов, горбов и выпученных глаз, – они торчащими из глазниц ало-красными зрачками, чураясь, оглядывали сияющий вдали храм с пышными куполами и водружёнными на них восьмиконечными крестами. Они вытягивали сморщенные черепашки, разевавая пасти с множеством рядов длинных гнилых зубов, рыча и отплёвываясь чёрной жижей, и проклинали свет, от которого бежали, будучи одурманены тьмой.

Монах был спокоен, преодолевая крутой спуск гор, опираясь о каменные глыбы. Крестился, изредка вздыхал и продолжал тяжкий путь по слегка протоптанной песчаной дорожке, извивавшейся узким проходом.

Труден был путь его, и, казалось, несть ему конца; ладони рук, ноги и подол рясы были полностью запорошены налипшим белым песком. Но шёпот молитвы не прекращал звучать в сердце его. Горошины чётков перебирались им, невзирая на мозоли на пальцах рук. И тело осторожно балансировало на резком спуске вниз.

В конце пути изнемогшие в сандалиях ноги встретила мягкая поросль травы и полевых цветов. Он, остановившись, глубоко вдохнул свежий, но весьма тёплый воздух и, будучи озарён обрамившим силуэт статного тела светом, исполнился благодати. И, несравненно обновившись, предстал ликом и всем естеством осмысленно пред величием, разлившимся прекрасным отзвуком одухотворённости благодати Божьей обители; и глас души возвещал гибель зла.

Разрознятся служители его, и демонские учения сгорят в огне неземном; закуют нерушимыми цепями и печатями деяния отторгнут, свергнув в жижу нечистот, в забвение обратят.

Светозарное сияние пронзит и низвергнет тьму, рассеяв невозвратно. Поколеблется и не может скрыться, ибо наступит столетие в величии Грядущего. Зайдёт солнце, окутает сумерками мир, но не затмится свет Нисходящего и пребывавшего на Земле единожды тысячелетия назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.